

Хотя его одежда выглядела как наряд обычного отпрыска богатой семьи, по всему его обмену явно было видно, что он привык стоять выше других — это заметил даже Сун Линь.

Стоило Цзи Чаоаню увидеть этого юношу, как его шаги замедлились, и он невольно вздохнул про себя.

Шестой принц Чу Че в юности выглядел куда более благопристойно, чем в зрелые годы.

Этого кролика с каждой главой писать всё противнее...

Цзи Чаоань: Давайте сменим гуля.

Малыш Гао Хуай: [Плачет так, что аж перекосило.jpg]

Злодейские козни

Приблизившись, Цзи Чаоань как раз услышал, как Чу Че с хмурым видом произносит:

— Об этом не знают, того не ведают — позовите вашего лавочника.

Лицо Сун Линя приняло неловкое выражение, он уже собирался было начать оправдываться, как вдруг почувствовал, что кто-то дергает его за рукав.

Цзи Чаоань поднял лицо, покачал головой в сторону Сун Линя и сам вышел вперед. Он чинно и вежливо поклонился и произнес:

— Уважаемый гость, лавка наша бедна, нанять лавочника мы не в силах. Если у вас есть какое-то дело, можете сказать мне. Зовите меня просто Цзи, я — хозяин этой книжной лавки.

Взгляд Чу Че тут же упал на этого ребенка.

На нем было ладно сшитое, почти новое темно-синее платье, края которого были тщательно отутюжены. На поясе и по низу одежды были вышиты словно вкрапления тонких, согнутых под порывами сильного ветра стеблей орхидей. На поясе висел полуновый шелковый мешочек в тон, а маленькие черные сапожки на шелковой подошве выглядели абсолютно чистыми.

Хотя на нем не было никаких дорогих украшений, выглядел мальчик опрятно и достойно. Держался он ни униженно, ни заносчиво, а в уголках его рта играла непринужденная, спокойная улыбка — по нему абсолютно не было заметно, что он сирота, у которого нет ни отца, ни матери, ни какой-либо опоры в жизни.

Чу Че приподнял одну бровь, еще сильнее укрепившись во мнении, что этот ребенок — далеко не простой смертный.

С усмешкой он произнес:

— О? Я слышал, что ваша лавка получила щедрую награду из самого дворца, так почему же вы даже лавочника нанять не можете?

Мальчик изобразил на лице огорчение и вздохнул:

— Дворцовая награда и впрямь невероятно щедра, я безмерно благодарен. Даровать высочайшим повелением вещи, конечно же, следует хранить как реликвию и передавать из поколения в поколение. Однако всего пожаловали тысячу лянов серебра и пятьдесят лянов золота — как ни глянь, сумма вроде бы немалая, но это же все достояние нашей лавки. Других источников дохода у нас нет, и неизвестно еще, сколько лет лавка будет нести убытки. Ныне же, проедаая запасы, волей-неволей приходится считать каждый грош: раз можно не нанимать лишних людей, мы и не нанимаем.

Не только стоявшие в лавке подмастерья замерли на месте, но даже лицо привыкшего держать себя в руках Шестого принца слегка окаменело.

Этот пацан выглядел таким рассудительным и уверенным в себе, с чего же он вдруг заговорил столь безрассудно? Едва познакомившись, он тут же выложил все детали своего финансового положения.

Чу Че молчал, остальные присутствующие в лавке тоже не смели подать голос, и на мгновение атмосфера повисла в тишине.

Цзи Чаоань мысленно тяжело вздохнул: просчитался, оплошал, забыл, что стоявший перед ним Шестой принц в те годы был еще сопляком с молоком на губах, которому не хватало многолетнего жизненного опыта — пожалуй, ему с этим не справиться.

Тогда он изобразил на лице сожаление, словно сболтнул лишнего, и поспешно перевел тему:

— Это я, глупый, выразился неуместно... Гость, забудьте об этом. Какую книгу вы ищете? Мои подмастерья недавно встали к делу, неизбежны упущения, но если вам нужны какие-то редкие или уникальные издания, просто скажите мне.

Чу Че, в чьей голове царил полный кавардак, бросил:

— Я так, просто посмотреть зашел.

После чего наугад вытащил с полки две книги и велел слуге отнести их на кассу.

Цзи Чаоань бросил взгляд на обложки: одна оказалась «Записками о нравах и обычаях округа Миньчжоу», а вторая — повестью «О сыновней почтительности Гуо Циня», в которой рассказывалось о том, как родители Гуо Циня пали жертвой злодеев, их имущество отобрали, а несчастный юноша десятки лет терпел лишения и ел желчь, чтобы отомстить за мать и отца.

Стремясь изобразить на лице тревожное волнение, Цзи Чаоань проводил Чу Че и его свиту до самых дверей. С озабоченным видом он постоял на пороге, провожая их взглядом, пока они не скрылись вдалеке, и лишь после этого с унылым выражением, тяжело вздохнув, опустил глаза и поплелся обратно.

Сун Линь вздохнул:

— Хозяин, а ведь ты сейчас сболтнул лишнее.

На лице Цзи Чаоань уже не осталось и следа прежней тревоги:

— Сяо Линь-гэ, благодарю за заботу, но запомни одну вещь: я вовсе не обычный невежественный ребенок. Поступая так, я всегда преследую собственные цели. Твоя забота о лавке — уже огромная помощь для меня.

Говоря это, он не обратил внимания на помрачневшее лицо Сун Линя и направился к внутренней двери лавки, про себя снова и снова повторяя:

— Миньчжоу, Миньчжоу... В последнее время это название попадает на глаза слишком часто.

Возможно, Чу Че взял их случайно, но книги на полках стояли корешками вперед, а названия были написаны отчетливо и ясно. Выбрать именно эти две — тут вполне могла быть связь с людьми и событиями из его прошлого.

Словно тонкий след травяной змеи или паутинка, всё в этом мире так или иначе связано между собой.

Цзи Чаоань на мгновение замер, взглянув на приподнявшего занавеску Сяо Маню, и тихо спросил:

— Сяо Мань-гэ, в прошлый раз ты говорил, что Ма Чжиюнь возвращался на малую родину к родне — куда именно он ездил?

Сяо Мань растерялся и опустил голову, силясь вспомнить.

Цзи Чаоаню пришлось подсказать:

— Уж не в Миньчжоу ли?

Сяо Мань тут же закивал:

— Да-да! Именно в Миньчжоу! Я просто запомнил, как бабушка Чэнь Ци сокрушалась, что из-за жалости вернула ему слишком большую часть залога — целую шестую долю.

На этот раз настала очередь Цзи Чаоаня растеряться, но он тут же улыбнулся:

— Это я как раз помню твои слова: бабушка Чэнь Ци растрогалась и вернула половину залога, а потом, вспомнив, пожалела о щедрости — мол, следовало вернуть лишь треть, — вот та лишняя шестая часть и образовалась. Обычные люди не любят арифметику, а ты, Сяо Мань-гэ, считаешь просто прекрасно.

Сяо Мань потер затылок и со счастливой, располагающей к себе улыбкой ответил:

— Хозяин, вы меня перехваливаете, я просто люблю возиться с цифрами.

Цзи Чаоань кивнул: Сяо Мань вел дела толково и заслуживал полного доверия, а в будущем, после [данные повреждены], все заботы о счетах и управлении лавкой можно будет полностью переложить на него.

В прошлой жизни, после того как лавку отобрали, Цзи Чаоань жил как в тумане и Сяо Маню в его памяти почти не осталось. Смутно припоминалось лишь, что какой-то парень заглядывал к нему пару раз, но он его прогнал, а когда позже переехал в Резиденцию графа Чэньи, то окончательно порвал все связи с прежними знакомыми из Переулка Хуайшу.

Впрочем, Миньчжоу... Если говорить о связанных с Шестым принцем выходцах из Миньчжоу, то законная супруга Шестого принца происходила из знатного рода из Миньчжоу, да и... родня Королевы-матери по материнской линии?

Мысленно перебирая кандидатов одного за другим, он шагнул в сторону внутреннего двора, как вдруг из комнаты донесся целый каскад звонких звуков бьющегося фарфора.

Улица Утун, Дворец Минхуа.

Из-за плотно закрытых резных дверей доносились точно такие же звонкие звуки падающего и разбивающегося фарфора.

Фэн Лин, личный евнух Шестого принца, дежуривший у дверей, бросил взгляд на придворную даму. Та мгновенно всё поняла и отдала приказ всем празднующимся вокруг немедленно удалиться.

В покоях остались только мать и сын.

Благородная супруга Сяо закатала широкие рукава своего платья цвета водянисто-красного арбуза с вышитыми по розоватому подолу пышными цветами бегонии, спадавшего складками до самого пола, и ловко присела на корточки, собирая осколки битой селадоновой чайной чашки. Тихо вздохнув, она произнесла:

— Ваше Высочество сейчас под домашним арестом, к чему такая шумиха? Если кто-нибудь снова донесет о вас Императору, что же тогда делать?

Чу Че с безгловым выражением на лице перехватил руки благородной супруги Сяо, поднимая ее на ноги, и с упреком произнес:

— Каждый мой шаг и вздох Королеве-матери известны как свои пять пальцев. Стоит ей захотеть что-то скрыть, и как Император об этом узнает? Другое дело вы, матушка: вы же женщина благородных кровей, как вы можете заниматься столь грязной работой? Оставьте это слугам.

Благородная супруга Сяо никогда не шла против воли сына. Услышав это, она тут же бросила осколки, в свою очередь крепко взяла Чу Че за руки и с тревогой в голосе произнесла:

— Какая из меня благородная кровь, я ведь из служанок вышла... Сделать такую мелочь — пара пустяков, это пустяки. А вот Ваше Высочество не должен забывать называть госпожу матушкой — она ваша законная мать по праву старшинства.

Чу Че насмешливо скривил губы, высвободил руки и развернулся. Он сделал несколько раздраженных шагов по гладкому, сияющему, похожему на тушь и воду полу из мраморных плиток, словно запертый в клетке дикий зверь. Усмехнувшись, он бросил:

— Ха? Законная мать? Отец наказал меня лишением двухлетнего жалованья, поручив это дело Мао Ляну. Угадайте, сколько осталось, когда дело дошло до той книжной лавки?

Благородная супруга Сяо растерянно спросила:

— И... и сколько же осталось?

Чу Че ответил:

— Пятьдесят лянов золота, тысяча лянов серебра.

Он глубоко вздохнул, подавляя поднимающуюся в груди ярость, и холодно рассмеялся:

— Я и не знал, что Государство Юй настолько обнищало, раз жалованье Шестого принца за два года составляет всего тысячу пятьсот лян! Да еще пришлось тащить пожитки из сокровищницы, чтобы пустить пыль в глаза. Она поступила со мной вот так?

Благородная супруга Сяо не разбиралась в подобных тонкостях — она лишь видела, что сын в ярости. Поспешно схватив чайник, она налила свежую чашку чаю и протянула ему, мягко сказав:

— Мао Лян — человек, которого выбрала для вас сама Королева-мать, он наверняка делает все по делу. Ваше Высочество, выпейте чашку жасминового чая, успокойте гнев.

Чу Че мрачным, темным взглядом уставился на чашку чая. Спустя долгое время буря в его сердце постепенно улеглась, остывая и твердея. Он взял чашку и легко рассмеялся:

— Матушка права, Мао Лян хоть и выполняет мои поручения, но... в конце концов, он её человек. Кто я такой?

Всего лишь ублюдок, рожденный от служанки...

Произнести это вслух при благородной супруге Сяо он все же не смог.

Благородная супруга Сяо когда-то была служанкой в поместье Фань и с детства прислуживала Фань Юань. Ни выдающейся внешностью, ни особым складом ума она не отличалась — ее единственным достоинством была пресловутая кротость и исполнительность.

Когда законная жена Фэн Ми-вана скончалась и Фань Юань выбрали во дворцовые царицы, ту девушку отобрали ей в компаньонки во дворец. Фань Юань долгие годы не могла забеременеть и пожаловала Фэн Ми-вану несколько приглянувшихся служанок. Кто же знал, что остальные останутся бесплодными, а у самой тихой и незаметной девчонки вдруг появится ребенок. Благополучно родив Шестого принца, она была возведена в ранг благородной супруги.

Королева-мать из соображений предосторожности позволила благородной супруге Сяо родить ребенка, записала его на свое имя и сама занималась его воспитанием.

Однако стоило Королеве-матери самой зачать ребенка от Фэн Ми-вана, как Чу Че неизбежно превратился бы в выброшенную вещь. Это Чу Че понимал прекрасно, а вот благородная супруга Сяо... пожалуй, нет.

Благородная супруга Сяо усадила его рядом с собой и мягко заговорила, утешая:

— Его Величество и Королева-мать еще в расцвете сил, у них непременно будут общие дети, и Ваше Высочество не должен тешить себя несбыточными надеждами. Я лишь молю о том, чтобы тогда вам даровали титул князя, выделили небольшой удел, и мы с тобой, сынок, уехали из столицы в этот удел, чтобы тихо и мирно прожить вторую половину жизни. Женю тебя на хорошей девушке, дождусь внуков и внучек...

Чу Че насмешливо усмехнулся и вдруг бросил:

— Матушка, за эти годы ваш сын уже давно лишился возможности уйти в сторону и остаться в безопасности.

На белом, слегка округлом лице благородной супруги Сяо отразилось изумление. На ее похожих на раковины мочках ушек покачивались две крупные, глубокого насыщенно-зеленого

цвета нефритовые бусины размером с боб, которые, отражая свет свечей, бросали на ее щеки непрерывно трепещущие тени.

Она пробормотала:

— Как же так? Ты ведь живешь прямо на глазах у Королевы-матери, каждый твой шаг у нее на виду, она знает все о тебе... она не станет тебя притеснять...

Чу Че усмехнулся:

— Вы, должно быть, не понимаете, почему я так упорно рвался повидать хозяина этой книжной лавки.

Благородная супруга Сяо предположила:

— Разве не из-за той поддельной купчей на дом?

Чу Че покачал головой:

— Купчая — лишь одно из дел. Несколько дней назад я лишился нескольких людей, и следы также вели к этому пацанцу.

Поразмыслив немного, благородная супруга Сяо попыталась блеснуть догадливостью:

— Неужели те люди натворили каких-то глупостей и задели тебя? Че-эр, не бойся, ты ведь верой и правдой служишь Королеве-матери, за тобой если и нет заслуг, то есть тяжелый труд, пойди и как следует попроси ее...

Чу Че внезапно рассмеялся, осушил чашку до дна и перебил мать:

— Те люди как раз и бегали по поручениям, которые им дала сама Королева-мать. Хотите угадать, матушка, что это были за поручения?

Благородная супруга Сяо потянулась за узкогорлым чайником с тонким носиком, чтобы долить чаю Чу Че, и горько улынулась:

— Куда мне, женщине, что всю жизнь провела в глубоких покоях, угадывать великие дела Королевы-матери.

Взгляд Чу Че стал еще более мрачным, и он чеканил каждое слово:

— Она велела подыскивать подходящих по возрасту девушек, чтобы приносить их в жертву для кровавых ритуалов.

Заметив, что благородная супруга Сяо смотрит растерянно, будто не поняла до конца, он пояснил:

— Чтобы Королева-мать смогла зачать чистокровную кровь царя Фэна, втайне практикуется зловещее колдовство с принесением в жертву живых людей. Причем нужны непременно самые здоровые, способные к продолжению рода незамужние девушки.

Раздалось еще несколько звонких тресков — тонкий носик чайника в руке благородной супруги Сяо ударился о селадоновую чашку на столе, разлетевшись на множество хрупких осколков.

На лице Чу Че появилась злобная, мстительная улыбка. Мягким голосом он произнес:

— Матушка, у меня на руках есть столь весомый козырь. Как по-вашему, согласится ли она отпустить меня?

В мире нет весны

Переулок Хуайшу, задний двор лавки Юнчэн.

Услышав звон разбитой посуды, Цзи Чаоань широким шагом влетел в западную комнату и увидел, что весь пол усыпан разноцветными осколками фарфора и рассыпавшимися круглыми пиллюлями — красными, белыми, зелеными и черными.

Серый меховой шар встретился взглядом с Цзи Чаоанем прямо посреди этого погрома.

Цзи Чаоань опешил:

— Ты...

В этот момент Маленькое Деревце Хуай опустило голову, торопливо сгребло лапками две белые круглые пиллюли и проглотило их, тут же принявшись шарить в поисках третьей.

Цзи Чаоань в испуге бросился вперед, схватил кролика за уши и приподнял в воздух. Белая пиллюля на мгновение мелькнула между трехлопастной губой, кроличья голова с трудом запрокинулась, шея вытянулась струной, и зверек чуть не подавился лекарством.

Цзи Чаоаню было одновременно смешно и досадно. Зажав кроличью пасть, он полез пальцами внутрь, вытаскивая пиллюлю обратно, но в суматохе получил от кролика укус — у основания указательного пальца мгновенно выступила кровь.

От резкой боли он ослабил хватку, и серый кролик тут же шмякнулся на пол, сделал колесо, вскочил на лапы и без оглядки припустил к выходу.

В панике Цзи Чаоань сорвался на крик:

— Гао Хуай! Стоять!

Серый кролик резко затормозил, замер в полушаге от порога, а затем медленно повернул голову. Его глаза-обсидианы впились в мальчика с леденящим, пронзительным холодом.

Раз уж дошло до такого, выбирать не приходилось.

Мысленно вздохнув, Цзи Чаоань присел на корточки, протянул руки к серому кролику и тихо произнес:

— Гао Хуай, иди сюда.

Стоило ему протянуть руку, как серый кролик прижался к полу и сделал еще полшага назад.

Цзи Чаоань потерял терпение, нахмурился и высказал:

— Ну ты и кролик, совершенно не ценишь добра. Если бы я хотел тебе навредить, не стал бы

так возиться: оставил бы тебя тогда в деревне Лу умирать своей смертью, с чего бы мне с таким трепетом возвращаться за тобой?

Когда Цзи Чаоань произнес слова с трепетом, серый кролик, хоть и не сдвинулся с места, но яростно уставился на него, а его уши и хвост задрожали крупной дрожью.

Заметив это, Цзи Чаоань подумал немного и добавил:

— Переживать за тебя.

На этот раз реакции не последовало.

Цзи Чаоань продолжил:

— Я беспокоюсь о тебе.

Уши у кролика дернулись.

Цзи Чаоань сделал еще одну попытку:

— Пусть я скрывал от тебя, что знаю твою истинную сущность, на то были веские причины. Когда стража Девяти Законов явилась с обыском, я ради твоего спасения сжег целый двор, обменяв твою жизнь на три десятка кроликов; а когда тебя утащил тот старик Хуан, я без колебаний сунулся в логово демонов, рискуя быть отравленным Цинъюанем, лишь бы вытащить тебя. Мои чувства к тебе чисты, и небо тому свидетель!

Уши и хвост маленького серого кролика заходили ходуном.

Тогда Цзи Чаоань смягчил тон и ласково произнес:

— Я ведь прячу эти пилюли не потому, что мне жалко, а потому, что твое тело еще слишком слабо и не выдержит такую мощь. Даже целебные пилюли нужно толочь и принимать по частям. Если ты станешь так бездумно поглощать духовные снадобья, то нанесешь вред собственному организму — вот почему я не разрешаю тебе есть их много. Маленькое Деревце Хуай, мы теперь связаны с тобой судьбой, и если с тобой что-то случится, как же я останусь один? Я... — мальчик вдруг всхлипнул. — Ты же прекрасно знаешь, что я давно уже не могу жить без тебя.

Уши и хвост маленького серого кролика затрепетали еще яростнее, а взгляд его упал на испачканные кровью белые пальцы Цзи Чаоаня.

Он со всех ног бросился назад, но не успел даже запрыгнуть на руки к мальчику, как почувствовал резкий рывок за уши и взмыл в воздух.

Перед его глазами нависло прекрасное, омраченное тучами лицо, которое, скрежеща зубами и холодно вглядываясь в него, казалось, мысленно прикидывало, с какого места начать сдирать шкуру.

Маленький серый кролик отчаянно забился и засучил лапками, однако, будучи схваченным за уязвимое место, он не мог оказать никакого сопротивления и лишь испуганно пищал.

Цзи Чаоань отвесил увесистый шлепок по пушистому кроличьему крупу и злобно усмехнулся:

— Совсем страх потерял! Ешь мое, спишь на моем, носишь мое, пользуешься моим — и еще

смеешь называть меня лжецом? Я целыми днями учу тебя грамоте и разуму, а ты весь этот разум через задницу выкинул? Насколько опасна культивация Ци и возвращение духа? Я тебе каждый день все уши прожужжал, а ты мимо ушей пропускаешь? Да как ты смел бездумно глотать духовные пилюли?! Если так приспичило свести счеты с жизнью, к чему эти сложности с разрывом меридианов? Напиши на бумажке слово смерть, и я тут же сдеру с тебя шкуру, спущу кровь, сварю из тебя крольчатину с морковкой в горшочке — хоть так отблаговаришь меня за те крохи заботы, что я на тебя потратил!

Однако серый кролик забился еще сильнее, свирепо и отчаянно, словно в смертельной схватке, так что Цзи Чаоань едва удерживал его за уши.

Он уже собирался обрушить на него новую порцию ругани, как вдруг почувствовал, что зажатые в руке кроличьи уши стали обжигающе-горячими, словно раскаленные угли. Осекшись от боли, он разжал пальцы, и кролик снова рухнул на пол. На этот раз он безумно метнулся вглубь комнаты, но на полпути его лапы подогнулись, он рухнул на землю и забился в конвульсиях, подергивая конечностями.

Сердце Цзи Чаоаня едва не выпрыгнуло из груди. Он бросился следом, судорожно ощупывая катающегося по полу кролика, и почувствовал, что его шерстка стала сухой и колючей, словно ежовые иглы, пролежавшие под палящим солнцем десять дней и ночей, обжигая пальцы жаром. Прижав ладонь сильнее, он ощутил, что крошечное тельце кролика напоминает кусок мяса, плавающий в кипящем котле — от одного прикосновения можно было обжечься.

Неужели фраза про вареную крольчатину оказалась пророческой?

В панике Цзи Чаоань невольно предавался дурным мыслям, но уже через секунду взял себя в руки. Судя по всему, это был тот самый пузырек с пилюлями восполнения первоначала, на котором красовалось пять печатных иероглифов: В небесах и на земле царит праведный дух. По словам подарившего их юного мечника, это были высококачественные пилюли, которые он сварил собственными руками; они обладали чистой, мягкой силой и после прохождения Закладывания Основания их можно было принимать регулярно с огромной пользой для себя.

Ключевая фраза здесь: после прохождения Закладывания Основания.

Древний свирепый зверь, подавленный тяжелыми печатями, не мог усвоить такую мощь — лекарственная сила металась по телу, раскалив его до состояния пожара. Обычный кролик... нет, даже обычный смертный, пожалуй, давно бы не выдержал и погиб от разрыва меридианов.

Как ни горько было Цзи Чаоаню корить себя за то, что он не запер духовные пилюли под замок, сокрушаться было поздно.

Пришлось ему схватить одеяло, набросить его на голову кролику и, завернув того с головой, прихватить необходимые вещи. Сверток вместе со зверьком он прижал к груди, выбежал из комнаты, откинул крышку погреба и стремглав нырнул вниз.

В погребе находилась кладовая, которую Цзи Лю специально укрепил: стены вокруг были выложены кирпичами с нанесенными на них руническими узорами, а во всем помещении круглый год царили сухость и прохлада — это место предназначалось для хранения ценных книг.

Правда, после проведенного властями обыска книгохранилище опустело, но к открытию лавки Цзи Чаоань собрал у знакомых торговцев кое-какие редкие и уникальные издания, которые вместе с остальными книгами снова заполнили кладовую, хотя большая ее часть все еще

пустовала.

Цзи Чаоань свалил скомканное одеяло на пол: та часть ткани и ваты, что соприкасалась с кроликом, уже почернела от жара, а сам зверек продолжал беспокойно и яростно метаться, словно в безумной схватке.

Эффект от пилюль восполнения первоначала оказался слишком мощным.

Поддавив внутреннюю тревогу, Цзи Чаоань запер изнутри дверь кладовой, достал духовные камни, полученные от Сюань Людао и Хуан Шоу, и выложил из них простенький рунический узор в форме волн. Комнату тут же заволокло клубящимся водным туманом, и стало еще холоднее.

И лишь вокруг серого кролика водная дымка со свистом испарялась, будто ледяная вода, плеснутая на раскаленную железную плиту, порождая густые клубы пара, которые в мгновение ока заполнили всю кладовую. От накатившей волны жара и духоты кожа начала гореть.

Цзи Чаоаню стало тяжело дышать, и он хрипло произнес:

— Гао Хуай, терпи.

Вытащив свой лазурный духовный меч и сложив пальцы в заклинание меча, он сделал резкий взмах. Острый вихрь ци меча с пронзительным свистом рассек белый туман, клубы водяного пара сгустились наподобие облаков, но вскоре вновь восстановили свою целостность.

Лезвие духовного меча вспыхнуло слабым лазурным свечением, холодным, как иней, и всюду, где оно проходило, белые облака разлетались на куски.

Раскаленный докрасна водяной пар, рассеченный клинком, вновь остыл, обрушился на тело серого кролика, со свистом превращаясь в клубы пара.

Этот цикл повторялся бесчисленное количество раз. Задыхающийся Цзи Чаоань перемещался по комнате, его хрупкое тело то сжималось, то распрямлялось; казалось, он неотступно преследует кролика ударами меча, однако клинок всякий раз проносился в сантиметре от него, а прорезая раскаленный туман, незримая воля меча проникала в тело серого кролика, унося с собой крупницы бушующей лекарственной силы.

Температура в кладовой постепенно падала от жары к холоду.

Водяной пар сгустился и закружился в воздухе хлопьями мелкого снега.

Цзи Чаоань издал короткий возглас, сияние меча в его руке мгновенно вспыхнуло наполовину кисти и разлилось по всей кладовой.

Холодная слива превосходит снег, в этом мире нет весны.

Внезапно поднявшийся на ровном месте бурный ветер подхватил белые ледяные кристаллы и плотным кольцом окружил серого кролика, закружив его в вихре белых лепестков сливы, сыплющихся с небес.

Превращаясь из невыносимого жара в лютый холод и вновь возвращаясь от холода к жару, две силы сошлись в ожесточенной схватке.

<http://bllate.org/book/21199/2145917>